

УДК 93.94

**МОСКОВСКИЙ И КАРСКИЙ ДОГОВОРЫ 1921 Г.
РОССИИ С ТУРЦИЕЙ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ НА ИЗМЕНЕНИЯХ
В ЭТНОСФЕРЕ КАВКАЗА**

В.А. Матвеев

**THE MOSCOW AND KARSKY TREATIES OF 1921
BETWEEN RUSSIA AND TURKEY AND THEIR REFLECTION
ON THE AMENDMENTS IN THE ETHNOSPHERE OF THE CAUCASUS**

V.A. Matveev

Аннотация. Обстоятельства подписания Московского и Карского договоров в 1921 г. в тех или иных аспектах подвергались ранее осмыслению. Весомый вклад в изучение проблемы внесен, в частности, видным ученым В.А. Захаровым. Результаты представлены в нескольких монографических проектах [1; 2; 3]. Геополитические и цивилизационные последствия произошедшего 100 лет назад события тем не менее нуждаются по-прежнему в объективной и разносторонней реконструкции. Ими затрагивались судьбы людей, превратившихся вследствие уступок территории российского Кавказа в вынужденных переселенцев. В статье с привлечением не вводившихся ранее в научный оборот архивных данных воспроизводится преимущественно данный срез произошедшей трагедии. Особое внимание обращается на исход с прежних мест проживания духоборов и молокан, а также других категорий христианского населения. Показаны вместе с тем сложности их возвращения на родину.

Abstract. The circumstances of the signing of the Moscow and Kara Treaties in 1921 in various aspects were previously subjected to reflection. A significant contribution to the study of the problem was made, in particular, by the prominent scientist V.A. Zakharov. The results are presented in several monographic projects [1; 2; 3]. Nevertheless, the geopolitical and civilizational consequences of the event that occurred 100 years ago still need an objective and versatile reconstruction. They touched upon the fate of people who turned into internally displaced persons as a result of the concessions of the territory of the Russian Caucasus. The article reproduces mainly this section of the tragedy that occurred with the involvement of archival data that was not previously introduced into scientific circulation. Special attention is paid to the exodus from the former places of residence of the Dukhobors and Molokans, as well as other categories of the Christian population. At the same time, the difficulties of their return to their homeland are shown.

Ключевые слова: российский Кавказ, Московский и Карский договоры, вклад в исследование проблемы В.А. Захарова, большевистская элита, гражданская война, мировая революция, вынужденные переселенцы, трагическая участь духоборов и молокан, «такие же русские», сужение восточнославянской этносферы.

Keywords: the Russian Caucasus, Moscow and Kara Treaties, contribution to the study of the problem of V.A. Zakharov, Bolshevik elite, civil war, world revolution, internally displaced persons, tragic fate of the Dukhobors and Molokans, "the same Russians", narrowing of the East Slavic ethno-sphere.

Вынужденное перемещение христианского населения в Россию при подписании Брестского договора (1918) явилось вполне ожидаемым. Какого-либо значения этому большевистским руководством между тем не придавалось. В составе беженцев оказались исповедовавшие христианство ассирийцы, армяне, понтийские греки и другие народы [4, с. 8]. Оставлять обжитые места на Кавказе вынуждено было и русское население. С появлением Московского договора (1921) численность беженцев из южных ареалов края существенно возросла. Наметилась их цивилизационная переорганизация. Достигнутое не без сложностей в имперский период межконфессиональное совмещение оказалось ослабленным. Происходило это в том числе вследствие исхода из Закавказья последователей русского протестантизма.

26 мая 1921 г. ВЦИК принял постановление, разрешавшее переселение в пределы России духоборов и молокан из Азербайджана, Армении и Грузии [5, л. 44]. Подписание Карского договора (1921), всецело соответствовавшего лишь интересам Турции и основанного на односторонних уступках, сделало неизбежным такой же исход из приграничной с ней области. Осевшие там когда-то сектанты также вынуждены были оставлять обжитые места. Переданная Турции Карская область подверглась полной зачистке от русского населения из-за политики большевистского руководства. Тем не менее переселение в другие не затронутые реорганизациями субъекты разрешалось. Возможность вернуться вглубь России впервые предоставлялась также сектантам. Такое право получили и те их общины, из которых в преобладающей степени состояла зона русской оседлости в приграничье.

Из отошедшей к Турции Карской области уходили поселившиеся в ее пределах духоборы, молокане и др. Между тем во всех округах они также стали коренными, обретя особую субэтническую специфику. Обстоятельства поселения, ссылка или добровольное водворение, равно как и длительное проживание в конкретной местности отложились к моменту исхода в самосознании. Это является показателем существования и производной от общерусского исторического кода соответствующей субэтнической кодификации. На это, в частности, указывает то, что о «карских истоках» память сохранялась и впоследствии. Допускавшаяся при революционных переменах в России несправедливость прослеживается, таким образом, и по части, постигшей русских сектантов из Закавказья.

После заключенных по настоянию В.И. Ленина договоров с Германией и Турцией христианское население из прилегающих территорий к Ардагану и Карсу, в том числе и молокане, вынуждены были уходить с обжитых мест. В вынужденное перемещение из Закавказья вовлечены были из отошедших от России ареалов и духоборы. По сохранившимся воспоминаниям, ходоки, в частности, от молокан обращались предварительно за разрешением к В.И. Ленину и получили его. Просьбы же об этом в различные периоды до 1917 г. результата не дали. Так что получение разрешения само по себе указывало и на происходившие при преодолении системного кризиса в России позитивные перемены.

Но во многом они также продолжали сочетаться с радикализмом и сохранявшимися надеждами на скорое свершение мировой революции.

Как и в русско-турецкую войну 1877–1878 гг., против христианского населения использовались организованные отряды разбойников. В таких случаях действия башибузуков не имели ограничений, превращаясь в разновидность массового террора, официально вроде бы сопредельным государством не поддерживавшегося. Разбойные нападения в южных частях Кавказа так же, как и северных, провоцировались целенаправленно для подрыва геополитических позиций России и германской агентурой. На это выделялись немалые средства. Вследствие активизации набегов башибузуков происходила зачистка Карской области и Турецкой Армении в целом от христианского населения. Коснулась она и русских сектантов.

При отходе с обжитых мест в Карской области духоборы и молокане, по сохранившимся свидетельствам непосредственно переживших трагедию, подвергались ограблению. Конные отряды башибузуков их преследовали, и на протяжении всего пути существовала постоянная угроза расправы. При исходе из Карской области русским беженцам для сохранения жизни приходилось откупаться от преследовавших их конных отрядов «турецких разбойников». Содействие сектантам при перемещениях на дальние расстояния не оказывалось. Из-за сложившейся ситуации, например, в Терской области прибывавшие группы в разные периоды гражданской войны везде в ее пределах смогли получить лишь временное пристанище. В таком же положении оказались они в других субъектах Северного Кавказа.

Выдавливание христианского населения с территории «Турецкой Армении», в том числе и приграничной Карской области, производили, таким образом, как и на Северном Кавказе, разбойники. Некоторое сходство в этом, безусловно, прослеживается. Нападения «турецких башибузуков» на христиан и грабительские действия направляли в ряде случаев кадровые офицеры. Под их руководством разбойники занимались грабежами иноверцев, осуществляли террор, доводя нередко насильственные действия до масштабов истребления по признаку религиозной принадлежности [6, с. 167]. С оставлением русской армией позиций в Турецкой Армении отряды, терроризировавшие при помощи «грабежей и убийств» христианское население, не встречали сопротивления.

Защиту же единоверцев с ее отходом никто в Закавказье не обеспечивал. Со стороны советского руководства каких-либо официальных протестов по поводу преступлений башибузуков так и не последовало. Армянские вооруженные формирования, пытавшиеся поддерживать контроль над оставленным русской армией пространством, не имели достаточных сил осуществлять его эффективно [6, с. 167]. Протяженность требовала привлечения гораздо более многочисленных соединений. Без поддержки России удержание занимаемых позиций становилось проблематичным. Изменения же в этносфере наметились вскоре после заключения Брестского договора. Беженцами становились не только исповедовавшие христианство уроженцы Турции, но и ардаганские, артвинские и карские армяне, принявшие ранее российское подданство [4, с. 31].

Какая-то часть спасавшихся христиан в надежде найти укрытие оказалась в провозгласившей независимость Армении, включавшей в свой состав преимущественно лишь территорию бывшей Эриванской губернии. По ходу противостояния с Турцией данного образовавшегося государства происходили периодически возвращения какой-то части беженцев на прежние места. Но в конечном итоге исход христианского населения принял массовые размеры. Вследствие этого многочисленные партии его из бывших южных провинций появлялись и на Северном Кавказе. Какое-либо содействие им так же, как и русским сектантам, в условиях гражданской войны не обеспечивалось.

В имперский же период по инициативе правительства создавалось для приема и обустройства беженцев Особое совещание [7, с. 157]. С 30 августа 1915 г. действовало положение «Об обеспечении нужд беженцев». Массовое их перемещение так или иначе ставилось под контроль государства. Регулирование его производилось распоряжениями Министерства внутренних дел. От намерения возложить попечение о беженцах в местах пребывания на администрации эвакуированных губерний правительство Российской империи отказалось. Уже в самом начале при попытках практического осуществления проекта обозначились затруднения, которые и привели к оперативной передаче контроля за приемом и обустройством беженцев в Министерство внутренних дел [8, с. 157].

Обещания же советского руководства оставались чаще всего в виде ничего не значивших деклараций [4, с. 22]. Между тем правительству Ататюрка, не имевшему легитимных полномочий, но действия которого воспринимались как революционные, финансовая и даже военная помощь предоставлялась [4, с. 21]. Для укрепления турецкой армии направлялись вооружения. И это также являлось отражением применявшегося в проводившейся политике «классового подхода». 16 марта 1921 г. в Москве был подписан договор «о дружбе и братстве между РСФСР и Турцией». В его заключении с советской стороны участвовал народный комиссар иностранных дел Г.В. Чичерин и член ВЦИК Д. Коркмасов [9, с. 312–313]. Турцию на переговорах представляли уполномоченные правительства «Великого национального собрания» Юсуф Кемаль, Риза Нур и Али Фуад [9, с. 313].

В ходе их все заключенные ранее договоры между двумя странами были признаны не соответствующими «обоюдным интересам». Согласие на их отмену тем не менее сводилось к уступке Турции принадлежавших России территорий. По Московскому договору 1921 г. устанавливалась и новая граница, разделившая Кавказ. Немалая его часть передавалась Турции. К ней отходили районы Ардагана, Артвина и Карса. В составе Грузии оставлялся лишь г. Батуми с прилегающим к нему пространством. Образованная же Нахичеванская область передавалась Азербайджану, которому предоставлялось право осуществления над ней протектората [9, с. 313].

При подписании Московского договора в 1921 г. от имени советского правительства было заявлено также об отказе от «режима капитуляций»,

который расценивался в соответствии с утверждавшейся идеологией как несовместимый со «свободным национальным развитием всякой страны, равно как и с полным осуществлением ее суверенных прав» [9, с. 313]. Наряду с этим давалось обещание оказывать всемерное содействие «турецкому национально-освободительному движению». На эти цели выделялись немалые по тому времени средства в размере «10 млн. руб. золотом». Договором предусматривалось вместе с тем обеспечение Турции «оружием, боеприпасами, снаряжением и пр.» Объемы же такой поддержки не оговаривались. Предоставлялась она, как разъяснялось в заявлениях, в зависимости от обстоятельств до «полной победы над интервентами» [9, с. 313].

С участием РСФСР такой же по содержанию договор 13 октября 1921 г. был подписан с Турцией «Закавказскими Советскими республиками» (Арменией, Азербайджаном и Грузией) в г. Карсе [10, с. 20–21]. И в его наименование было включено упоминание «о дружбе». Формулировки же условий без каких-либо изменений основывались на предшествующих статьях, составленных по результатам достигнутых соглашений сторон в г. Москве. Основывались же они на уступках советского руководства, возлагавшего надежды на скорое начало революций в странах зарубежного Востока. Срок действия Карского договора условиями не ограничивался. По существовавшим, судя по всему, замыслам он должен был способствовать «укреплению международного положения Турции, успеху ее национально-освободительной борьбы против империалистической интервенции» [10, с. 21].

Внешняя политика тем самым отрывалась от «исторических корней». О такой опасности радикальных подходов к решению существовавших проблем предостерегал еще П.А. Столыпин [11, с. 96]. Восстановление справедливости по отношению к армянскому народу стало в очередной раз составляющей русской идеи и по ходу первой мировой войны. Одного же ретроспективного измерения у нее не существовало. В каждую эпоху она видоизменялась, наполняясь конкретным содержанием в соответствии с ее запросами. Московский и Карский договоры предусматривали односторонние уступки Турции во имя мировой революции. Стремление армянского народа вернуть утраченные когда-то этнические территории были полностью проигнорированы.

Помощь же Турции по соображениям поддержки классовой борьбы на международной арене большевистским руководством оказывалась в значительных размерах [12, с. 228]. После подписания Московского и Карского договоров произошло ее еще более существенное увеличение. И это несмотря на то, что в 1921 г. в РСФСР разразился голод, сопровождавшийся многочисленными жертвами. Предоставление Турции даже при таких обстоятельствах значительной экономической поддержки обуславливалось данным Ататюрком обещанием В.И. Ленину экспортировать революцию в восточные страны [12, с. 228]. Как раз с завершением гражданской войны в среде большевистской элиты сложилось представление, что «окончательное решение мировой борьбы», ее исход и «победа социализма» зависят от включения

в нее проживающего там населения [13, с. 404]. По происходившим в той или иной форме движениям «за... освобождение» В.И. Ленин сделал вывод, что революционные процессы на Востоке развиваются «с необычайной быстротой» [13, с. 404].

Это обстоятельство предлагалось использовать в противовес «западно-европейским... государствам», не оставлявшим якобы намерений раздавить «российскую Советскую власть» [13, с. 404]. Противодействие В.И. Ленин рассматривал как необходимость «обеспечить... существование до следующего военного столкновения между контрреволюционным империалистическим Западом и революционным... националистическим Востоком, между цивилизованнейшими государствами мира и государствами по-восточному отсталыми, которые, однако, составляют большинство» [13, с. 404]. Под таким же углом зрения воспринимались и события в Турции. Преобразования Ататюрка содержали, безусловно, светский прогрессивный фон. Но применявшийся в сочетании с ними националистический принцип создавал угрозу для сохранения этнической и религиозной самобытности христианских народов. В оказании поддержки Ататюрку большевистское руководство также исходило, видимо, из рекомендации В.И. Ленина, что Турции, как и другим странам Востока, «нужно успеть цивилизоваться» [13, с. 404].

Право же армянского народа на сохранение исторической родины во внимание не принималось. Советским руководством не было заявлено ни одного протеста и по поводу периодически возобновлявшихся на подконтрольных Турции территориях акций принудительных зачисток. В преломлении утверждавшихся идеологических представлений все происходившее воспринималось как начало мировой революции, ради которой не стоило замечать трагические издержки. Между тем «турецкие армяне», к которым ошибочно тогда относили имевших российское подданство арвинских и карских беженцев, приняли советскую власть. Скопившиеся на Северном Кавказе, они встали, несмотря на свое бедственное положение, и на ее защиту [14, л. 56]. Даже теми «турецкими армянами», которые ранее подданства не имели, она воспринималась как наиболее авторитетная преемница русской власти. Примечательно, что этническая общность, независимо от давности нахождения в составе государства, в данном выборе оказалась солидарной.

Напротив, другие исповедовавшие христианство беженцы из Турции, ассирийцы и даже православные понтийские греки, советское гражданство, как правило, длительное время не принимали. В начале 20-х гг. XX в. В.И. Ленин сохранял убежденность, что вследствие «первой империалистической войны... весь мир... уже переходит... к такому движению, которое должно породить всемирную социалистическую революцию» [13, с. 403]. К нему «пришел окончательно», по его оценке, и Восток [13, с. 403]. Соответственно у В.И. Ленина и советского руководства не возникало сомнения в необходимости оказания помощи Турции.

В этом прослеживалась своеобразная революционная одержимость, основывавшаяся на абсолютизации идеи. Однако со стороны Ататюрка, как подтверждали его действия на разных этапах, предпринимались лишь обманчивые уловки для достижения своих целей, в том числе и в отношениях с советским руководством. При помощи обещаний «в экспорте революции на Восток», по мнению современного исследователя В.З. Акопяна, Ататюрк добивался согласия «на территориальные приращения за счет восточноармянских областей». Ставка с его стороны делалась и на срыв принятых по итогам первой мировой войны «международных соглашений по разделу Османской империи» [12, с. 228].

Несмотря на это, потерпевшей совместно с Германией поражение Турции из РСФСР предоставлялись военные и финансовые ресурсы [12, с. 228]. Имевшие хоть какое-то сходство с революциями события ставились, таким образом, большевистским руководством выше, чем оказание помощи своему собственному народу. На самом же деле деятельность Ататюрка основывалась на националистических идеалах. Не останавливался он для их утверждения и перед массовым истреблением христианского населения, чему руководство РКП(б) не придавало значения. Надлежащие же меры для облегчения участи беженцев сего стороны не принимались [4, с. 22]. В.И. Ленин и его окружение несут непосредственную ответственность за игнорирование российских государственных интересов. Позиция их способствовала также в какой-то степени беспрепятственному развитию националистической вандеи в южных ареалах, приведшей к зачистке соответствующих территорий от возлагавшего всегда надежды на Россию христианского населения. При наступлении в Закавказье турецкая армия производила массовые расправы и в Восточной Армении [4, с. 124].

Подвергавшееся же им население спасали по собственной инициативе, уходившие с фронта подразделения русской армии. Защиту ассирийцам, например, обеспечили формирования линейных кубанских казаков, которые, кроме того, при невозможности полагаться на государственную поддержку приютили их в своих станицах [4, с. 124]. Количество же беженцев в связи с наступлением турецких войск в Закавказье в северных губерниях и областях края резко возрастало. Уходить в поисках защиты вынуждено было прежде всего исповедовавшее христианство население. Сложившаяся вследствие отмеченных обстоятельств геополитическая реальность (оставление территории) привела к необратимым по сути цивилизационным изменениям.

Тревогу в среде христианского населения, в том числе русского, вызывала проводившаяся панисламистская пропаганда, формировавшая религиозный фанатизм у части мусульман южных провинций. Столкновения же с ними по сценариям националистической вандеи с весьма трагическими последствиями происходили и до этого. Возраставшая угроза их повторения при турецком вторжении также способствовала появлению беженцев на Юге России и в других частях страны. Из местностей традиционного проживания в Закавказье вынуждены были уходить на север в поисках защиты и горские евреи [4, с. 8].

По сценариям националистической вандеи развивались в пределах Южного Кавказа также конфликты Грузии с абхазами и южными осетинами в 1918–1921 гг. Разрешались же они только военным путем. Для прекращения межэтнических столкновений в Грузию направлялись подразделения Красной армии. Вооруженное сопротивление абхазов и южных осетин попыткам силового подчинения и тогда предопределялись стремлением сохранить этническую самобытность в составе России. Провоцирующую роль играли и территориальные разграничения, основывавшиеся на национальном критерии. Конфликты с абхазами и южными осетинами в 1918–1921 гг. нельзя, на мой взгляд, относить к разновидности «сугубо внутренних для Грузии».

Обуславливались же они тогда выбором субъектной не только этнической, но и российской идентичности. В противостоянии абхазов и южных осетин притязаниям Грузии прослеживалось вместе с тем отрицание двойных стандартов в праве наций на самоопределение. Революционный же радикализм, которому оказавшаяся у власти политическая элита РКП(б) следовала и в условиях гражданской войны, привел в ряде случаев к необратимым последствиям. Формировавшаяся на протяжении длительного времени этносфера на Кавказе подверглась разрушению. Исход христианского населения, в том числе и русского, оказался полным. Массовое переселение сектантов из Карской области в Россию стало происходить с 1922 г. [5, л. 1].

Покидавшим Карскую область последователям русского протестантизма так же, как армянам и другим христианским беженцам, защита и поддержка государственной властью по-прежнему не предоставлялась. Полагаться они могли преимущественно только на собственные силы. Содействие их обустройству сопровождалось проволочками. Следовали неоднократные предписания «ускорить» реализацию принимавшихся решений [5, л. 32, 75, 75-об., 89, 101]. Но и в этом не прослеживается сходство с практикой управления, существовавшей в имперский период, когда материальная поддержка в тех или иных формах все же оказывалась.

Возможность обустроиться духоборы и молокане из Карской области получили в соответствии с произошедшими изменениями политики в отношении беженцев первой мировой и гражданской войн. В служебной переписке в начале 20-х гг. XX в. появилось определение «карспереселенцы» [5, л. 19, 21, 24]. Вследствие радикальных перемен в России с нарушением справедливости произошло геополитическое и цивилизационное переформатирование пространства южных ареалов. Проводившаяся в соответствии с классовым критерием политика, как показывает проведенный анализ, имела нацеленность на мировую революцию, ради которой В.И. Ленин и его окружение готовы были пойти на какие угодно уступки. За иллюзии же «красных вождей» расплачиваться приходилось всему российскому согражданству.

Трагическая участь постигла и восточнославянское население Кавказа, причем не только из-за возникавших конфликтных ситуаций. Коснулась она и сектантов Карской области. Исход из нее духовных христиан (духоборов

и молокан) оказался полным. В 1922 г. последователи различных направлений русского протестантизма вынуждены были из-за сложившихся обстоятельств покинуть совместно с остальным христианским населением обжитую при весьма суровом климате высокогорья местность в Карской области. Переселялись они и из других частей Кавказа. Обосновавшиеся когда-то, преодолевая значительные трудности в пределах края, молokane возвращались совместно с близкими им по вероисповедной версии духоборами.

Представители русского протестантизма оказались так же, как армяне, ассирийцы, греки и некоторые другие категории христиан, беженцами гражданской войны, пострадавшими вследствие радикальных перемен. Пространство Юга России оказалось с нарушением критерия справедливости реорганизованным не только по национальному признаку. Утрачены были вместе с тем геополитические позиции. Произошло вследствие этого сужение и удерживавшегося Россией цивилизационного пространства. При принятии решений, приведших к таким последствиям, судьбы людей во внимание не принимались. Последствия политики, основывавшейся на радикальных подходах и игнорировании достигнутых результатов в предшествующие периоды, на ряде направлений оказались необратимыми.

Коснулась она и сектантов. Совместно с остальным христианским населением пределы Кавказа вынуждены были покинуть и последователи различных направлений русского протестантизма. Исход их из ряда местностей края оказался полным. Проблема русских беженцев, в отличие от имперского периода, большевистским руководством воспринималась с иных позиций. В необходимых объемах помощь тем не менее по-прежнему не оказывалась. Принимавшиеся же меры сопровождалась проволочками.

Однако реализовывавшийся после прихода большевиков к власти принцип гражданственности, отделения церкви от государства, позитивно отразился на отношении к последователям сект. Претерпело изменение и восприятие староверов. Основывавшаяся на классовом подходе политика тем не менее впоследствии привела к другим неблагоприятным для всех верующих последствиям, независимо от религиозной специфики. Репрессии при большевистском режиме затронули и русскую православную церковь.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Захаров, В. А. Карс и Карский договор 1921 года в истории Армении : материалы к обсуждению книги А. Тонконоженко «Карс: проклятая память» / В. А. Захаров. – М. : Центриздат, 2010. – 108 с. – Текст : непосредственный.
2. Захаров, В. А. Современный взгляд на Московский и Карский договоры 1921 года: проблемы и перспективы / В. А. Захаров. – М. : Центриздат, 2015. – 164 с. – Текст : непосредственный.
3. Захаров, В. А. Российско-турецкие отношения и подписание Московского и Карского договоров 1921 года: проблема их денонсации / В. А. Захаров. – М.–Степанокерт, 2020. – 323 с. – Текст : непосредственный.

4. Акопян, В. З. Образование национальных сельских поселений дисперсных этносов на Юге России в 20–30-е гг. XX века : монография / В. З. Акопян ; Пятигорский государственный лингвистический университет. – Пятигорск : ФГБОУ ВПО «ПГЛУ», 2015. – 302 с. – Текст : непосредственный.
5. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). – Ф. Р-1390. – Оп. 1. – Д. 333. – Текст : непосредственный.
6. Акопян, В. З. Старый Артвин. Историко-культурный очерк : монография / В. З. Акопян. – Пятигорск : ПГЛУ, 2012. – 504 с. – Текст : непосредственный.
7. Ерошкин, Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России / Н. П. Ерошкин. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Высшая школа, 1968. – 368 с. – Текст : непосредственный.
8. Белова, И. Б. Основные проблемы российского беженства 1915–1925 гг. в отечественной и зарубежной историографии / И. Б. Белова. – Текст : непосредственный // Вопросы истории. – 2017. – № 11. – С. 156–164.
9. Дипломатический словарь. В 3 т. Т. III. С–Я. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Наука, 1986. – 750 с. – Текст : непосредственный.
10. Дипломатический словарь. В 3 т. Т. II. К–Р. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Наука, 1985. – 502 с. – Текст : непосредственный.
11. Столыпин, П. А. Нам нужна Великая Россия... : полн. собр. речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911 гг. / П. А. Столыпин. – М. : Молодая гвардия, 1991. – 411 с. – Текст : непосредственный.
12. Акопян, В. З. Национальные подразделения во властных структурах Юга России (1920–1930-е гг.) : монография / В. З. Акопян ; Ростовский государственный университет путей сообщения. – Ростов н/Д. : ФГБОУ ВПО «РГУПС», 2014. – 287 с. – Текст : непосредственный.
13. Ленин, В. И. Лучше меньше, да лучше / В. И. Ленин. – Текст : непосредственный // Полн. собр. соч. Издание пятое. Т. 45. Март 1922 – март 1923. – М. : Политиздат, 1975. – 730 с. – С. 389–406.
14. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 130. – Оп. 2. – Д. 432. – Текст : непосредственный.

REFERENCES

1. Zakharov V.A. *Kars i Karskii dogovor 1921 goda v istorii Armenii: materialy k obsuzhdeniyu knigi A. Tonkonozhenko «Kars: proklyataya pamyat»*. [Kars and the Kara Treaty of 1921 in the History of Armenia: Materials for the Book discussion by A. Tonkonozhenko “Kars: the Cursed Memory”]. М., Centrist, 2010. 108 p.
2. Zakharov V.A. *Sovremennyy vzglyad na Moskovskii i Karskii dogovory 1921 goda: problemy i perspektivy* [A Modern View on the Moscow and the Kara Treaties of 1921: Problems and Prospects]. М., Centrist, 2015. 164 p.
3. Zakharov V.A. *Rossiisko-turetskie otnosheniya i podpisanie Moskovskogo i Karskogo dogovorov 1921 goda: problema ikh denonsatsii* [Russian-Turkish Relations and the Signing of the Moscow and the Kara Treaties of 1921: the Problem of their Denunciation]. М.–Stepanokert, 2020. 323 p.
4. Akopyan V.Z. *Obrazovanie natsionalnykh selskikh poselenii dispersnykh etnosov na Yuge Rossii v 20–30-e gg. XX veka: monografiya* [The Formation of National Rural Settlements of Dispersed Ethnic Groups in the South of Russia in the 1920–1930th. Monograph]. Pyatigorsk, PSLU, 2015. 302 p.

5. *Gosudarstvennyi arkhiv Rostovskoi oblasti (GARO)* [The State Archive of the Rostov Oblast (SARO)]. Fund R-1390, inventory 1, case 333.
6. Akopyan V.Z. *Staryi Artvin. Istoriko-kulturnyi ocherk. Monografiya* [Stary Artvin. Historical and Cultural Essay. Monograph]. Pyatigorsk, PSLU, 2012. 504 p.
7. Eroshkin N.P. *Istoriya gosudarstvennykh uchrezhdenii dorevolyutsionnoi Rossii*. [The History of State Institutions of Prerevolutionary]. M., Vysshaya Shkola, 1968. 368 p.
8. Belova I.B. The main problems of the Russian refugee population of 1915–1925 in domestic and foreign historiography. *Voprosy istorii = Issues of History*, 2017, No. 11, pp. 156–164. (In Russian).
9. *Diplomaticheskii slovar. V 3 t. T. III. С–Я* [Diplomatic dictionary. In 3 vols. Vol. III. С–Я]. M., Nauka, 1986. 750 p.
10. *Diplomaticheskii slovar. V 3 t. T. II. К–Р* [Diplomatic dictionary. In 3 vols. Vol. III. К–Р]. M., Nauka, 1985. 502 p.
11. Stolypin P.A. *Nam nuzhna Velikaya Rossiya...: Poln. sobr. rechei v Gosudarstvennoi dume i Gosudarstvennom sovete. 1906–1911 gg.* [We need Great Russia...: Full collection. Speeches in the State Duma and the State Council. 1906–1911]. Мюб Молodaya Gvardiya, 1991. 411 p.
12. Akopyan V.Z. *Natsionalnye podrazdeleniya vo vlastnykh strukturakh Yuga Rossii (1920–1930-e gg.). Monografiya* [National Divisions in the Power Structures of the South of Russia (1920–1930th). Monograph]. Rostov-on-Don, RSTU, 2014. 287 p.
13. Lenin V.I. The less, the better less. *Polnoe sobranie sochineniy = Full collection of essays*, 1975, pp. 389–406. (In Russian).
14. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF)*. [The State Archive of the Russian Federation (SARF)]. Fund 130, inventory 2, case 432.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Матвеев, В. А. Московский и Карский договоры 1921 г. России с Турцией и их отражение на изменениях в этносфере Кавказа / В. А. Матвеев // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2021. – № 3. – С. 56–66.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Matveyev V. A. The Moscow and Karsky Treaties of 1921 Between Russia and Turkey and Their Reflection on the Amendments in the Ethnosphere of the Caucasus / V. A. Matveyev // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2021, No. 3, pp. 56–66. (In Russian).